

Эдне, Джорди и Джеффу

|

Обеденный час в кафетерии для сотрудников «Франкенберга» достиг своего пика.

Ни за одним из длинных столов места больше не было, а люди всё прибывали и прибывали и оставались ждать за деревянной перегородкой у кассы. Те, кто уже получили свои подносы с едой, бродили между столами в поисках зазора, куда можно было бы втиснуться, или освобождающегося места, но ничего не было. Грохот посуды, стульев, голоса, шарканье ног и *тр-р-реск* проворачивающихся турникетов в помещении с голыми стенами сливались в нестихающий гул единого громадного механизма.

Терез ела нервно, уткнувшись в прислонённую к сахарнице брошюру «Добро пожаловать во «Франкенберг». Эту пухлую книжицу она прочла от корки до корки ещё на прошлой неделе, в первый же учебный день, но ничего другого для чтения у неё с собой не было, а в этом служебном кафетерии, она чувствовала, ей необходимо на чём-то сосредоточиться. Поэтому она снова стала читать об отпускных льготах, трехнедельном отпуске для проработавших во «Франкенберге» пятнадцать лет, и есть дежурное блюдо — сероватый кусок ростбифа с облитым коричневой подливой шариком картофельного пюре, горькой горошка и хреном в крошечном бумажном стаканчике. Она попыталась представить себе, каково это — проработать пятнадцать лет в универмаге «Франкенберг», — и не смогла. «Отработавшие двадцать пять лет получают четыре недели оплачиваемого отпуска», — говорилось в брошюре. «Франкенберг» также предоставлял лагерь для отпускников зимой и летом. Им бы следовало ещё завести свою церковь, подумала она, и больницу для рождения детей. Своим устройством

магазин настолько напоминал тюрьму, что временами ей становилось страшно от осознания своей к нему причастности.

Терез быстро перевернула страницу и увидела напечатанное крупным чёрным рукописным шрифтом на весь разворот: «Годитесь ли *вы* для работы во "Франкенберге"?»

Она взглянула на окна в противоположном конце зала и попыталась подумать о чём-то другом. О красивом чёрно-красном норвежском свитере, который видела в «Саксе» и, возможно, купит Ричарду на Рождество, если не найдёт кошелёк посимпатичнее тех, за двадцать долларов, что попались ей на глаза. О том, что сможет поехать в следующее воскресенье с супругами Келли в Вест-Пойнт на хоккей. Большущее квадратное окно в другом конце зала напоминало картину... чью же? Мондриана. Из маленькой квадратной форточки в углу открывался вид на белое небо. А птиц не было — ни одна не влетала и не вылетала. Какие декорации можно было бы сделать для пьесы, действие которой происходит в универсаме? Она вернулась к тому, от чего пыталась уйти.

— Но с тобой-то всё совсем иначе, Терри, — сказал Ричард. — Ты можешь быть абсолютно уверена в том, что через пару недель оттуда вырвешься, у других же этого нет.

Ричард сказал, что этим летом она сможет быть в Париже. Будет там. Ричард хотел, чтобы она поехала с ним, и ничто, на самом деле, не мешало ей это сделать. А друг Ричарда Фил Мак-Элрой написал ему, что в следующем месяце, возможно, сумеет устроить её на работу в театральную труппу. Терез пока ещё не была знакома с Филом, но очень слабо верила в то, что он сможет устроить её на работу. Она прочёсывала Нью-Йорк снова и снова, начиная с сентября, но так ничего и не нашла. Да и кто посреди зимы станет нанимать подмастерье сценографа, к тому же ещё только начинающего? Столь же нереальной казалась ей и мысль о том, что следующим летом она сможет быть в Европе с Ричардом, сидеть в летних кафе, гулять по Арлю, отыскивать места, которые писал Ван Гог, вместе выбирать городки, где они будут на какое-то время останавливаться и рисовать. А в последние дни, с тех пор как она начала работать в магазине, всё это стало казаться ещё менее реальным.

Она знала, что ей досаждают в магазине. О таком она даже и не пыталась бы заговорить с Ричардом. Магазин усиливал то, что ей всегда,

сколько она помнила, досаждало — пустые действия, бессмысленную рутину, которые, казалось, не дают ей заниматься тем, чем она хотела бы, чем могла бы заниматься. И вот пожалуйста, тут-то оно всё и было — мудрёные процедуры с инкассаторскими сумками, проверки верхней одежды, табельные часы... процедуры, не дававшие людям даже работу свою в магазине выполнять настолько продуктивно, насколько они могли бы. Было ощущение, что все находятся в изоляции друг от друга и живут в совершенно неправильной плоскости, и оттого смысл, идея, любовь, да что угодно, из чего состоит каждая человеческая жизнь, не могут найти своего выражения. Ей это напоминало разговоры за столами, на диванах с людьми, чьи слова будто висают над неживым, над вещами, которые невозможно расшевелить; эти люди никогда не прикасаются к звучащей струне. А если кто-то попытается этой живой струны коснуться, они посмотрят на него — вечные лица-маски — и отпустят реплику, настолько совершенную в своей банальности, что и не поверишь, что это может быть уловка. И ещё одиночество, усугублённое тем, что день за днём видишь внутри магазина одни и те же лица, совсем небольшое количество людей, с которыми можно было бы заговорить, да так и не захотелось. Или не смоглось. Это не то что лицо в проезжающем автобусе — лицо, которое, кажется, обращено именно к тебе... его ты, по крайней мере, видишь лишь раз, и оно исчезает навсегда.

Каждое утро, выстаивая в подвале очередь к табельным часам — в то время как её глаза бессознательно сортировали работников, отделяя постоянных от временных, — Терез задавалась вопросом, как это её угораздило здесь очутиться. Конечно, она откликнулась на объявление, но это не объясняло фатума. Она размышляла о том, что ждёт её дальше вместо работы сценографа. Её жизнь представляла собой серию зигзагов. Ей было девятнадцать лет, и она тревожилась.

«Ты должна научиться доверять людям. Помни об этом, Терез», — часто повторяла ей сестра Алисия. И часто, очень часто Терез старалась этот совет применять.

— Сестра Алисия, — бережно прошептала Терез. Свистящие слоги её успокаивали.

Она снова выпрямилась и взяла в руки вилку — мальчик-уборщик двигался в её сторону.

Перед глазами возникло лицо сестры Алисии — костистое и красноватое, как розовый камень, когда на него падает солнечный свет, — и голубая крахмальная волна её бюста. Крупная костлявая фигура сестры Алисии, появляющаяся из-за угла в вестибюле, проходящая между эмалированными столами в трапезной. Сестра Алисия в тысяче мест; небольшие голубые глаза, всегда отыскивающие её среди других девочек, видящие её иначе — Терез это знала, — чем всех остальных, при этом тонкие розовые губы неизменно сложены в одну и ту же прямую линию. Вот сестра Алисия протягивает ей завёрнутые в папиросную бумагу вязаные зелёные перчатки, протягивает без улыбки, просто передаёт из рук в руки без лишних слов в подарок на её восьмилетие. А вот сестра Алисия говорит ей — тот же прямой рот, — что она должна сдать арифметику. Кому ещё было дело до того, сдаст ли она арифметику? Терез хранила эти зелёные перчатки на дне жестяного шкафчика в школе ещё долгие годы после переезда сестры Алисии в Калифорнию. Белая бумага сделалась дряблой и больше не хрустела, она превратилась в древнюю тряпку, но перчатки Терез так и не надела. В конце концов они стали ей малы.

Кто-то сдвинул сахарницу, и брошюра шлёпнулась на стол.

Терез увидела напротив себя пару рук — пухлых, стареющих женских рук, размешивающих сахар в кофе, а теперь с дрожащим нетерпением разламывающих булочку, жадно макающих одну из половинок в коричневую подливу блюда, точь-в-точь такого же, как ела Терез. Кисти рук были потрескавшиеся, грязь в параллельных складках на сгибах пальцев, но на правой руке бросалось в глаза серебряное кольцо филигранной работы с прозрачно-зелёным камнем, на левой — золотое обручальное, а в уголках ногтей виднелись следы красного лака. Терез наблюдала, как рука подносит ко рту вилку с горкой горошка, и ей не нужно было видеть лицо, чтобы знать, какое оно. Такое же, как у всех работающих во «Франкенберге» пятидесятилетних женщин, — поражённое вечным изнеможением и ужасом, с искажёнными за стёклами очков глазами, либо увеличенными, либо уменьшенными, со щеками в пятнах румян, ничуть не освежавших серость кожи. Терез не могла на это смотреть.

— Вы новенькая, да? — голос прозвенел в нестихающем гуле, почти мелодичный голос.

— Да, — ответила Терез и подняла глаза. Она вспомнила это лицо. То самое, измождённость которого заставила Терез увидеть все остальные

лица. Как-то раз, примерно в полседьмого вечера, когда магазин был пуст, эта женщина еле-еле сползала по ведущим вниз из мезонина мраморным ступеням. Руки скользили на широких мраморных перилах, перенимая часть тяжести с шишковатых ступней. «Она не больна, она не нищенка, она просто здесь работает», — подумала тогда Терез.

— Справляетесь?

И вот она, эта женщина, — улыбается ей, и те же ужасные морщины лежат под глазами и вокруг рта. Впрочем, глаза её теперь были живыми и, пожалуй, даже ласковыми.

— Справляетесь? — повторила женщина, потому что вокруг стоял дикий галдёж и звон посуды.

Терез облизнула губы.

— Да, спасибо.

— Вам здесь нравится?

Терез кивнула.

— Закончили? — Молодой человек в белом фартуке ухватил тарелку властной рукой.

Женщина сделала отпускающий жест дрожащей ладонью. Она придвинула к себе блюдце с нарезанными консервированными персиками. Персики, как склизкие оранжевые рыбки, соскальзывали с ложки всякий раз, когда женщина её поднимала, и лишь одну дольку ей удавалось донести до рта и съесть.

— Я на третьем этаже в отделе джемперов. Если захотите о чём-либо попросить, — сказала женщина с нервной нерешительностью, будто пыталась донести до неё мысль, пока их не оборвали или не разлучили, — подходите как-нибудь, поговорим. Меня зовут миссис Робичек. Миссис Руби Робичек, номер пять сорок четыре.

— Спасибо большое! — ответила Терез. И внезапно уродливость женщины исчезла, потому что красновато-карие глаза за стёклами очков

смотрели на Терез по-доброму и с интересом. Сердце забилося, будто ожило. Терез смотрела, как женщина встаёт из-за стола, как её низенькая, плотная фигура удаляется, пока она совсем не пропала в ожидающей за перегордкой толпе.

Терез не стала заходить к миссис Робичек, но каждое утро высматривала её, когда работники магазина стекались в здание примерно без четверти девять, выглядывала её в лифтах и кафетерии. Ей так и не удавалось увидеть миссис Робичек, но было приятно знать, что есть кто-то, кого можно искать в магазине. Это полностью всё меняло.

Почти каждое утро, придя на работу и поднявшись на седьмой этаж, Терез на минутку останавливалась понаблюдать за одним игрушечным поездом. Поезд располагался обособленно на столе рядом с лифтами. Он был не таким шикарным и большим, как другой — тот, что катался по полу в глубине отдела игрушек. Но было в его крохотных, ходящих туда-сюда поршнях неистовство, каким не обладали большие поезда. Эта ярость и отчаянная безысходность на замкнутом овале рельс завораживали Терез.

«А-а-р-р-р-р-р!» — неслось из него, когда он слепо катил колёса в сделанный из папье-маше тоннель. И «у-р-р-р-р-р!» — когда вновь возникал оттуда.

Маленький поезд всегда был в движении — и когда Терез по утрам выходила из лифта, и когда заканчивала работу по вечерам. Ей казалось, он прокликает руку, ежедневно переводящую его стрелку. В рывках носом на поворотах, в бешеных бросках по прямым участкам дороги ей виделась безумная и тщетная погоня за деспотичным властителем. Локомотив тянул за собой три пульмановских вагона, в окнах которых можно было разглядеть кремнистые профили крошечных человеческих фигурок. За этими тремя шёл открытый товарный вагон с настоящим миниатюрным строительным лесом, за ним — грузовой с ненастоящим углем, и наконец — служебный вагон, который подпрыгивал на поворотах, крепко держась за убегающий поезд, как ребёнок за материнскую юбку. Поезд был похож на существо, свихнувшееся в заточении, уже мёртвое, но чьи силы всё никак не иссякнут — как у тех изящных, на пружинящих лапах, лис в зоопарке Центрального парка, с их замысловатой траекторией бега, всё повторяющейся и повторяющейся, когда они кругами носят по своим клеткам.

В это утро Терез быстро отвернулась от поезда и пошла дальше, к отделу кукол, в котором работала.

В пять минут десятого большущий идеально квадратный отдел игрушек оживал. С длинных столов стягивались зелёные скатерти. Механические игрушки принимались подбрасывать в воздух и ловить мячи, в тирах выставлялись и начинали двигаться по кругу мишени. Стол с живностью скотного двора крикал, кудахтал и кричал «иа-иа». За спиной у Терез раздалось утомлённое «тра-та-та-та» — барабанная дробь гигантского оловянного солдатика, который воинственно встал лицом к лифту, чтобы весь день бить в барабан. От стола декоративно-прикладного искусства исходил запах свежей модельной глины, напоминающий о художественной комнате в школе, когда Терез была совсем маленькой, и ещё — о склепе на школьном дворе. О нём ходили слухи, будто это была чья-то настоящая могила, и Терез имела обыкновение просовывать внутрь нос сквозь железные прутья решётки.

Миссис Хендриксон, заведующая секцией кукольного отдела, тащила куклу со складских полок и рассаживала их с ногами враскоряку по стеклянным прилавкам.

Терез поздоровалась с мисс Мартуччи, которая стояла за прилавком, пересчитывая купюры и монеты из инкассаторской сумки, и была так сосредоточена, что в ответ лишь чуть ниже опустила в кивке голову, продолжая кивать в такт своему счёту. Терез насчитала двадцать восемь пятьдесят в своей инкассаторской сумке, записала сумму на белой бумажной наклейке для конверта с квитанциями и переложила деньги, разделив их по достоинству, в ящик кассового аппарата.

К тому моменту из лифтов уже стали появляться первые покупатели. Они секунду медлили в нерешительности с растерянным, каким-то напуганным выражением лица, которое всегда бывало у людей, оказавшихся в отделе игрушек, затем начинали следовать каждый своим замысловатым курсом.

— У вас есть писающие куклы? — спросила женщина.

— Я бы хотела такую же, но в жёлтом платье, — сказала другая, подталкивая куклу к Терез. Терез повернулась и сняла с полки нужную куклу.

У женщины, заметила она, рот и щёки были как у её матери — рябоватые щёки под тёмно-розовыми румянами и разделяющий их тонкий красный рот, весь в вертикальных морщинках.

— А что, все куклы Дринкси-Ветси¹ — этого размера?

Искусство торговать тут не требовалось. Люди хотели куклу, любую куклу, для подарка на Рождество. Нужно было лишь нагибаться, выдвигать коробки в поисках куклы с карими глазами вместо голубых, звать миссис Хендриксон, чтобы та открыла ключом витрину, что она неохотно и делала, если была убеждена, что этой куклы не найти на складе. Нужно было лишь бочком пробираться через проход за прилавком, водружать куклу поверх горы коробок на упаковочном столе — а гора эта вечно росла, вечно готова была опрокинуться, сколь бы часто ребята-рабочие со склада ни подходили и ни уносили упаковки. Детей у прилавка почти никогда не было. Ведь кукол должен приносить Санта Клаус. Санта Клаус, представленный исступлёнными лицами и цепкими руками. И всё-таки должна же в них всех быть какая-то добрая воля, думала Терез, даже за неприветливыми напудренными лицами женщин в норке и соболях, женщин, которые обычно держались в высшей степени высокомерно и спешно скупали самых больших и дорогих кукол, кукол с натуральными волосами и сменной одеждой. В бедных-то людях безусловно была любовь. В тех, что ждали своей очереди, тихо спрашивали, сколько стоит та или иная кукла, и, с сожалением покачав головой, отворачивались от прилавка. Тринадцать долларов и пятьдесят центов за куклу всего-то в десять дюймов ростом!

«Возьмите её, — хотела сказать им Терез. — Она и правда чрезмерно дорога, но я дарю вам эту куклу. "Франкенберг" её не хватит».

Но женщины в дешёвых пальто и робкие, ёжащиеся в своих поношенных кашне мужчины уходили обратно к лифтам, по пути бросая тоскливые взгляды на другие прилавки. Если человек приходил за куклой, он не хотел ничего другого. Кукла была рождественским подарком особого рода, практически живым, почти ребёнком.

Детей почти никогда не приводили, но время от времени кто-то появлялся — как правило, девочка (очень редко — мальчик), крепко держа-

¹ Кукла, которая «пьёт» из бутылочки и «мочит» подгузник.

щаяся за родительскую руку. Терез показывала малышке кукол, которые, как она полагала, могли ей понравиться. Она была терпелива, и в конце концов одна из кукол вызывала ту метаморфозу в детском лице, тот отклик на вымысел, ради которого всё и было задумано; обычно именно с этой куклой ребёнок и уходил.

И вот как-то вечером после работы Терез увидела миссис Робичек в кафе-пончиковой через дорогу. Терез частенько заходила туда выпить чашку кофе перед тем, как идти домой. Миссис Робичек была в глубине кафе, у конца длинной изгибающейся стойки, и макала пончик в кружку с кофе.

Терез стала проталкиваться и протискиваться к ней сквозь толпу девушек, кофейных кружек и пончиков.

— Здравствуйте! — выдохнула она, добравшись до локтя миссис Робичек, и повернулась к стойке, словно чашка кофе была единственной её целью.

— Здравствуйте, — ответила миссис Робичек с таким безразличием, что Терез почувствовала себя уничтоженной.

Она не осмеливалась снова посмотреть на миссис Робичек. И при этом плечи их вообще-то были прижаты друг к другу! Терез уже выпила половину своего кофе, когда миссис Робичек произнесла без выражения:

— Мне на метро «Индепендент». Интересно, выберемся ли мы когда-нибудь отсюда.

Голос её звучал вяло, не так, как в тот день в кафетерии. Сейчас она снова была сторбленной, едва ползущей по лестнице старухой, такой, какой Терез её однажды увидела.

— Выберемся, — завершила Терез.

Она с усилием проложила их путь к двери. Ей тоже нужно было на метро «Индепендент». Мало-помалу продвигались они в неповоротливой толпе ко входу в метро, пока их постепенно и неотвратно не втянуло вниз по ступенькам, как частички отбросов в дренажную воронку. Оказалось, что обе они выходят на Лексингтон, хотя миссис Робичек жила на Пятьдесят

пятой улице, чуть восточнее Третьей авеню. Терез зашла с ней в кулинарию, где миссис Робичек хотела купить себе что-нибудь на ужин. Терез бы самой тоже не помешало купить чего-нибудь для своего ужина, но почему-то в присутствии миссис Робичек она на это не решилась.

— У вас дома есть еда?

— Нет, я потом что-нибудь куплю.

— Почему бы вам не поужинать со мной? Я совершенно одна. Пойдёмте.

В заключение миссис Робичек пожала плечами, будто это было сделать легче, чем улыбнуться.

Желание вежливо запротестовать продержалось у Терез всего секунду.

— Спасибо! С радостью.

Потом она увидела на прилавке торт в целлофане — фруктовый торт, похожий на большой коричневый кирпич с красными черешнями сверху, — и купила его в подарок миссис Робичек.

Дом был такой же, как у Терез, только из песчаника и гораздо темнее и мрачнее. В коридорах было совсем темно, и когда миссис Робичек включила свет на третьем этаже, Терез увидела, что дом не особенно чист. Комната миссис Робичек также не блистала чистотой, и постель была неубрана. «Интересно, — подумала Терез, — она встаёт по утрам такая же уставшая, как ложится спать?» Миссис Робичек оставила её стоять посреди комнаты, а сама двинулась в маленькую кухоньку, тяжело ступая и унося пакет с продуктами, который забрала из рук у Терез. Терез чувствовала, что теперь, оказавшись дома, где её никто не видит, миссис Робичек дала себе волю не скрывать усталости.

Терез так и не смогла вспомнить, как это началось. Она не помнила разговора, который этому прямо предшествовал, да разговор, конечно, и не имел значения. А случилось то, что миссис Робичек стала постепенно отдаляться от неё, как-то странно, будто в трансе. Речь её внезапно превратилась в невнятное бормотание, и она легла навзничь на неприбранную постель. Из-за продолжающегося бормотания, слабой извиня-

ющей улыбки, жуткой, шокирующей уродливости короткого грузного тела с торчащим животом, из-за виновато склонённой головы, которая всё ещё вежливо была обращена к Терез, Терез не могла заставить себя слушать.

— У меня когда-то был свой магазин женской одежды в Квинсе. О, прекрасный, большой, — сказала миссис Робичек, и Терез уловила хвастливую нотку и невольно начала слушать, ненавидя себя за это. — Знаете, такие платья с талией углом и маленькими пуговками доверху. Знаете, года три-пять назад...

Миссис Робичек невразумительно расставила негнущиеся пальцы у себя на талии. Короткие пальцы и близко не могли охватить переднюю часть тела. Миссис Робичек казалась очень старой в тусклом свете лампы, от которого у неё под глазами залегли чёрные тени.

— Их называли платья «Катерина». Помните? Это я их моделировала. Они из моего магазина в Квинсе. Знаменитые очень даже!

Миссис Робичек встала из-за стола и прошла к маленькому сундучку у стены. Она открыла его и, продолжая говорить, стала вытаскивать оттуда прямо на пол платье тёмной, тяжёлой на вид материи. Она подняла гранатово-красное бархатное платье с белым воротничком и крошечными белыми пуговками, буквой «V» сбежавшими вниз по передней части узкого лифа.

— Видите, у меня их полно. Я их делала. Другие магазины копировали.

Уродливая голова миссис Робичек гротескно склонилась над белым воротничком платья, который она захватила подбородком.

— Вам нравится? Я вам одно дарю. Идите сюда. Идите сюда, примерьте.

Мысль о примерке платья вызвала у Терез отторжение. Если бы только миссис Робичек снова прилегла отдохнуть. Но Терез послушно встала, словно у неё не было своей собственной воли, и подошла.

Дрожащими и назойливыми руками миссис Робичек прижала к ней чёрное бархатное платье, и Терез вдруг представила, как она обслуживает покупателей в магазине, суматошно навязывая им джемперы, по-

тому что никак иначе выполнить то же самое действие она не могла бы. Терез вспомнила — миссис Робичек говорила, что работает во «Франкенберге» четыре года.

— Вам больше нравится зелёное? Примерьте его.

И в миг, пока Терез колебалась, миссис Робичек бросила это платье и взяла другое, тёмно-красное.

— Я пять их продавала девушкам в магазине, но вам я одно дарю. Остатки, но они до сих пор в моде. Это нравится больше?

Терез больше нравилось красное. Ей нравился красный цвет, особенно гранатово-красный, и она любила красный бархат. Миссис Робичек подтолкнула её к углу, где Терез смогла раздеться и положить одежду на кресло. Но она не хотела этого платья, не хотела, чтобы ей его дарили. Ей это напоминало о том, как в Доме она получала обноски после старших детей, потому что её считали практически одной из сирот, составлявших половину школы и никогда не получавших посылок извне. Терез скинула джемпер и почувствовала себя совершенно голой. Она обхватила себя за руки выше локтей — кожа там была холодной и нечувствительной.

— Я шила, — упоённо говорила сама с собой миссис Робичек. — Как я шила, с утра до ночи! Под моим началом были четыре девушки. Но у меня стали плохие глаза. Один ослеп, вот этот. Надевайте платье.

Она рассказала Терез об операции на глазе. Он был не полностью слепым, только частично. Но было очень больно. Глаукома. Он и сейчас болел. Он и ещё спина. Ступни. Косточки.

Терез поняла — миссис Робичек рассказывает о всех своих неприятностях и невезенье, чтобы ей, Терез, стало ясно, почему она опустила работу в универмаге.

— Подходит? — уверенно спросила миссис Робичек.

Терез посмотрела в зеркало на двери шкафа. В нём отражалась длинная тонкая фигура с узковатой головой, будто сияющей пламенем по контуру — ярко-жёлтый огонь, сбегаящий к ярко-красной планке на каждом плече. Платье ниспадало ровными складками почти до лодыжек. Это бы-

ло платье королевы из сказок, цвета более насыщенного, чем цвет крови. Она сделала шаг назад, пальцами за спиной стянула свободно сидящее платье, так, что оно облегло рёбра и талию, и посмотрела в свои тёмные зеленовато-карие глаза в зеркале. Она знакомилась сама с собой. Вот это и была она, а не та девушка в блёклой клетчатой юбке и бежевом джемпере, не та девушка, что работала в отделе кукол «Франкенберга».

— Вам нравится? — спросила миссис Робичек.

Терез изучала неожиданно спокойный рот, ей отчётливо была видна его лепка, хотя помады на нём было не больше, чем от чьего-то поцелуя. Ей так хотелось поцеловать эту особу в зеркале и пробудить её к жизни! Тем не менее она стояла абсолютно неподвижно, как на живописном портрете.

— Если оно вам нравится, берите, — нетерпеливо и настоятельно произнесла миссис Робичек, наблюдая со стороны, затаившись у шкафа, как это делают продавщицы в универсамах, пока женщины примеряют пальто и платья перед зеркалом.

Но Терез знала, что этот эффект не удержится. Стоит ей пошевелиться, и всё пропадёт. Даже если она оставит платье себе, всё пропадёт. Потому что это было нечто минутное, сиюминутное. Она не хотела платье. Она попыталась представить его у себя дома, в стенном шкафу, среди другой одежды, и не смогла. Она начала расстёгивать пуговицы и воротник.

— Оно вам нравится, да? — спросила миссис Робичек так же уверенно.

— Да, — твёрдо признала Терез.

Она никак не могла отстегнуть крючок от петли сзади на вороте. Пришлось прибегнуть к помощи миссис Робичек, и Терез не могла дождаться, когда же та закончит. Ей казалось, что её душат. Что она здесь делает? Как её угораздило надеть на себя такое платье? Внезапно миссис Робичек и её квартира представились ей жутким сном, который — она только сейчас это поняла — ей снится. Миссис Робичек была горбуней-смотрительницей подземной темницы. И она привела сюда Терез, чтобы подвергнуть её танталовым мукам.

Губы Терез разомкнулись, чтобы что-то сказать, но мысли её были слишком далеко. Мысли её находились в отдалённой точке, в отдалённом завихрении, которое образовалось прямо в тускло освещённой, вселяющей ужас комнате, где они двое, казалось, сошлись в отчаянной схватке. И там, в той точке завихрения, где находились её мысли, она знала, что ужасает её безнадёжность, и больше ничего. Это была безнадёжность хворого тела миссис Робичек и её работы в магазине, груды платьев в сундуке, её уродливости. Безнадёжность, из которой целиком состоял конечный этап жизни этой женщины. И её собственная, Терез, безнадёжность когда-либо стать таким человеком, каким она хотела быть, и делать то, что стал бы делать этот человек. Что же выходит, вся её жизнь — лишь сон, а реальность — *вот это*? Ужас от этой безнадёжности вызвал у неё желание сбросить с себя платье и бежать, пока не поздно, пока окопы не сомкнулись вокруг неё.

А может быть, уже поздно. Как в кошмарном сне, Терез стояла посреди комнаты в белой комбинации и дрожала, не в силах сдвинуться с места.

— Что такое? Холодно? Тут жарко.

Было и в самом деле жарко. Шипел радиатор. В комнате пахло чесноком и затхлостью старости, лекарствами и ещё тем особым металлическим запахом, который принадлежал самой миссис Робичек. Терез хотелось рухнуть в кресло, где лежали её юбка и джемпер. Возможно, думала она, если она ляжет на свою собственную одежду, то оно будет и ничего. Но ложиться не следовало в любом случае. Если она ляжет, она пропала. Оковы сомкнутся, и она сама превратится в горбунью.

Её била жуткая дрожь. Внезапно она утратила способность владеть собой. Это был озноб, а не просто испуг или усталость.

— Сядьте, — голос миссис Робичек прозвучал издали и с потрясающими безразличием и скукой, словно она вполне себе привыкла к девушкам, впадающим в предобморочное состояние у неё в комнате. И так же издали её сухие, с шершавыми кончиками, пальцы сдавили руки Терез.

Терез сражалась с креслом, зная, что всё равно сдастся, и даже отдавая себе отчёт в том, что именно этим оно её и притягивает. Она упала в кресло и почувствовала, как миссис Робичек тянет за юбку, пытаясь выта-